А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1986 год.

1986 год.

1 января 86 г.

В Отделе все со смехом желали друг другу встретить 1987 год «в том же составе». В самом деле, на последнем Секретариате ЦК 30.12. опять человек десять были заменены: зав. Отделами ЦК, секретари обкомов, предисполкомов, директор Политиздата Беляев был утвержден редактором «Советской культуры». Лигачев его напутствовал, как человека на повышение, которому доверяют очень ответственный пост и говорил такие примерно слова: надеемся, что ты сделаешь газету действительно органом ЦК, будешь не мелочами заниматься, а обеспечивать государственную и партийную политику… Иначе говоря,.. сталинисту и долбоебу доверили культуру – очень важный ее рычаг. Как это понимать?

Шокирует меня и дело Меньшикова. Что он в общем-то сволочь, это ясно. У меня никогда душа к нему не лежала. Без меня его навязали к нам. Мне его пришлось «обламывать», не допустить экстерриториальности и привилегированности по сравнению с другими консультантами, и даже - по отношению ко мне (с помощью Загладина, с которым они нежные друзья). Я воспротивился тому, чтобы он не стал зав. сектором после Мостовеца: Пономарев и уговаривал меня, и нажимал, но только какой-то неблагоприятный слух о Меньшикове, дошедший в тот момент до Б.Н.'а, помог мне не допустить его в эту должность. Ну и т. д. Я не о том. А о том, с каким равнодушием все отнеслись к его изгнанию: вроде так и надо, все, что он сделал за 2-3 года - а он умел делать свое дело, - все перечеркнуть и забыть. Вот цена всей нашей деятельности.

Кадровое освежение продолжается и ускоряется перед съездом. Загладин сообщил мне, что Александров собирается уходить. Уже говорил об этом с Горбачевым и тот не стал удерживать. Вадиму он объяснил, что «раз, мол, он не попадает в команду» (т.е. его не выберут в ЦК), то оставаться ему неуютно… И вдруг Б.Н. со мной об этом заговорил: Вы, говорит, слышали?

- Слышал! –удивился я его реакции. Он опять отошел подальше от телефонов и, весь смущенный и напряженный, стал говорить: Как же так! У него (т.е. Александрова) такой опыт, такие знания, такой он умный и образованный, неужели не нужны все эти его качества? И вы знаете, - продолжал Б.Н., - мне сказали, что это он из-за того, что

хочет получить блага и большую пенсию, чего не имел бы, если бы ушел не с поста помощника Генсека. Что он такой бедный что ли? Или меркантильный?

- Знаете, Б.Н., - говорю я, – на 200 рублей нашей обычной пенсии сейчас действительно трудно прожить.

- Да?!

- Да, - говорю.

Весь этот разговор был со стороны Пономарева разговором о себе. Недаром, он еще спросил: сколько ему, Александрову лет? (68). Он очень тревожится за последствия съезда «для него самого». И вызывает у меня жгучее презрение – всю жизнь он был из тех, кто считал, что не «он для революции, а революция для него» (цитата из Ленина, которую недавно напомнил Лигачев в речи в Баку). Не в состоянии оценить роль Горбачева, не может признать ни его государственного таланта, ни его политики, так как для него лично Горбачев – абсолютное зло. Он, Горбачев, не только кончает его более чем полувековую карьеру (при всех режимах), но перечеркивает, отправляет в небытие все его «собрания сочинений» (написанные не им), все его претензии выглядеть «теоретиком нашей ленинской партии». Он даже не позволяет ему сыграть роль Куусинена (при Хрущеве).

В этом контексте любопытная подробность: в Москве сейчас Черветти и Кьяромонте – члены ПБ итальянской компартии. Отдыхают, но и должны подготовить визит Натты и его встречу с Горбачевым. Горбачев спрашивал у Загладина, как идут дела «с этим»: проекты итоговых заявлений, коммюнике, проблематика, замечания по их программным тезисам (к их съезду в марте). Загладин ответил, что все, мол, готовится. Так вот: я, говорит Горбачев, встречаться с ними не буду, но с ними встретится Лигачев, ему и передай все, что нужно. Загладин спрашивает: Лигачев будет встречаться с ними один? Горбачев: да, один, т.е. без Пономарева…!!!

Вот так. И это разумно. М.С. знает, что именно Пономарев, который десятилетиями «качал идеологические права» и воспитывал итальянцев, учил как им жить и работать у себя дома, именно он причина того, что отношения ИКП-КПСС чуть было не привели к полному разрыву.

Он знает, что итальянцы презирают Пономарева и не хотят иметь с ним дело. Поэтому «выпускать» сейчас Пономарева на итальянцев, приехавших готовить встречу двух генсеков, от которой должен начаться отсчет нового времени не только в отношениях с ИКП, но, возможно, и со всем МКД, - было бы просто нелепо. Это значило – показать бы им, что «груз прошлого» нами не забыт и, что принципиально мы ничего

менять не собираемся. Так что вариант с «одним Лигачевым» это не просто отношение лично к Пономареву, это – перемена курса.

Но для Б.Н.'а это будет страшным звонком. (Загладин, кстати, пребывает в неопределенности – говорить Пономареву, что его выводят за скобки того дела, участие в котором он себе ставит в великую заслугу перед партией… или пусть узнает от Лигачева или от кого другого?… Ведь он, Загладин, формально непосредственно подчиненный Пономарева, вроде бы не может скрывать такие вещи от него…

А сегодня в программе «Время» был обмен посланиями Рейгана-Горбачева к советскому и американскому народу, соответственно. Идея американская. Но у М.С. – ни минуты сомнения не было… Как бы то ни было, Гитлеру, например, не разрешили бы обращаться к советскому народу даже в 1940 году. Вот и образец перемены политического мышления, которого требуют и от народа.

6 января 86 г.

Итак Б.Н.'а обошли с Черветти- Кьяромонте. Принял их Лигачев.

Между прочим, Кьяромонте спросил мнение Лигачева о выступлении Евтушенко на съезде писателей РСФСР (о чем шумит западная пропаганда). Лигачев ответил очень профессионально: не вижу, мол, ничего предосудительного, хотя, может быть, сам говорил бы об этих предметах иначе. Главное же – то и как он, Евтушенко, выступал, - это в духе нашей нынешней политики и атмосферы, которые мы хотим создать в общественной жизни. Единственное, что я не стал бы говорить на его месте, будто тема культа Сталина у нас «табу». Мы, говорит Лигачев, пережили это, перестрадали, переосмыслили, перевернули навсегда эту страницу. Сейчас у нас масса новых, больших дел и забот. И нам ни к чему будоражить это прошлое, опять чтоб разгорались страсти и отвлекали нас от насущных проблем.

Из этого я делаю вывод, что «Детям Арбата» света не видать. Это подтвердил и Бикинин (ныне зам. Яковлева, которому тот дал почитать мой экземпляр). Я спросил у него: как? (а он парень очень передовой, неординарный, умный). Ответ: сейчас это не может быть напечатано!

- Это твое мнение или «официальное»?
- И мое, и общее. Приду расскажу.

7 января 86 г.

Был Меньшиков. Просидел час. Все пытался определить (в памяти), что же он такое сказал и где, что его так шибанули. Я сочувствовал и помалкивал. «Ты, говорит, извини, что я пришел поплакаться. Больше некому. Сунулся к Загладину, мы ведь 30 лет с ним лучшие друзья. А он заявил: я, мол, тебе все сказал и говорить больше не о чем, извини – у меня срочные дела». И заплакал Меньшиков.

Таков Загладин. Отвратительно… Хотя сам Меньшиков, окажись на месте Загладина, наверно, поступил так же…

И еще целый час выдержал телефонный плач Бориса Лихачева, которого Косолапов гонит из «Коммуниста». А я защищать его не могу, потому что он вертопрах и трепач, краснобай, да еще враль. Сказал ему: идите к Зимянину, но только, если есть что-то серьезное в отношении Косолапова, а так – смешно. В отношении Косолапова зреет «недовольство» в верхах. Пономарев рассказывал, будто М.С. в кругу членов и кандидатов говорил о том, что общественная наука, философия оторваны от жизни. Пишут свои диссертации, а жизненными делами, которыми партия поглощена, не занимаются. Вот «Коммунист», возглавляет член ЦК, а отдачи мы не видим. Ты, Михаил Васильевич (Зимянин), обещал заняться, а пока ничего не сделал…

12 января 86 г.

В ночь на 9-ое, с Павелецкого – в Тамбов, на областную предсъездовскую партконференцию. Вернулся сегодня в 5.30 утра, тоже поездом. Сама партконференция в пятницу и в субботу. Доклад скучноватый, слишком фактологический, порохоподобный и нарочито самокритичный. Но зато – прения. Горбачевское начало раскрепостило людей. Конечно, они готовились, конечно, они еще не научились говорить без бумажки. Но это уже совсем не то, что я слышал 5 лет назад в Рязани. Вырвалась наружу и смелость, и желание исправить, и осознать, и готовность покончить с безобразиями, и личное, как общественное. А многие – просто на уровне настоящего интеллигентского разговора, с анализом, с идеями и все – без оглядки на то, что скажет (или подумает) то или иное начальство: от души, но не для острого словца, не чтоб покрасоваться смелостью и откровенностью. Вот как быстро начинает сказываться горбачевская эра. И какие люди! Коммунисты…, возрождается звание коммуниста, им начинают дорожить… Доярка… все у нее есть, достижения, удои, прибавки, слава и проч. А она говорила о

реформе школы и о том, как приучает ребят у себя на ферме соединять учебу с трудом… и как надо это делать… или «обобщает опыт», сама, молоденькая деревенская девка. И вообще, женщины среди выступавших выглядели сильнее, искреннее, задиристее.

Я понимал, что мне нельзя не выступить. Посажен был рядом с председательствующим. Всюду меня пропускают вперед, всем видно, что я «главный» (несмотря на то, что в составе делегации на конференцию - министры и проч. тоже из Москвы). Кстати, я не очень себе уяснил, что «я главный», когда Разумов (первый зам. оргпартотдела) звонил мне: тебя, мол, посылают в Тамбов. Но, видимо, Подольскому было это сказано, что я не только зам. зав. Отдела, но и кандидат в члены ЦК и, прежде всего, в этом качестве к ним послан. И когда председательствующий назвал меня для выступления, упоминание о моих «регалиях» вызвало шорох. Ибо я, собственно, единственный из 800 участников конференции был «из состава ЦК».

В ночь перед выступлением волновался… (впрочем, не то слово). Я никак не мог определиться – о чем же говорить мне, международнику, в этой среде, людям, которые заняты жизненными, практическими, конкретными делами и так по-новому и квалифицированно говорят о своем деле. В уме набросал вечером хоть какую-то «связь» с уже сказанным на этой трибуне.

Но как всегда, с фронта еще, - когда уже совсем «вступаешь в дело» и обратной дороги нет, наступает холодное спокойствие, все нервы умолкают и – полное владение собой, свободное и на вид уверенное. Рассчитывал минут на 12-15, проговорил – 22 минуты. Слушали замерев. Но это не очень показательно: провинциальная публика доброжелательная и благодарная. Более верный показатель – собственно ощущения, что «контакт с аудиторией» возник сразу и сохранился до конца.

Потом Пленум обкома. И поскольку по закрытии конференции, партийная власть в области «исчезла» и я оказался самым старшим (из ЦК!), то, по подсказке Афанасьева, я и проводил этот Пленум. Избрали Подольского, секретарей, членов бюро. И опять же, заправски, будто для меня это дело привычно… Но если б не выступил на конференции, такого «нахальства» в душе бы не было – моральное право отсутствовало «определять» руководство для 100 000 парторганизации.

Лев Михайлович (второй секретарь) организовал было поездку в Мичуринск (сразу после конференции): посетить музей Мичурина и А. Герасимова и там сесть в московский поезд. Я загорелся было, но в очередной перерыв он подошел и говорит: «первый сам хочет с вами поехать, я – по швам». В ответ я отказался вообще – не только потому, что с Львом Михайловичем мне было бы интересно, а с Евгением

Михайловичем- первым, - скучно и натянуто, но и потому, что же это я за персона, чтоб меня сопровождал сам первый секретарь, да еще сразу же после таких напряженных для него дней! И на последующие уговоры Подольского не поддался. Но он от меня не отстал (а как я хотел один, только вдвоем с Левой Ониковым) просто побродить в оставшиеся до поезда часы по Тамбову! Пришлось гулять вместе с первым… Бродили по улицам, зашли в магазины, вышли на набережную Уны. Красиво, ухожено. Мимо дворца купца Асеева – поставщика шинельного сукна для армии Его Императорского Величества…

Потом поезд. Почти пустой «СВ». Долгие разговоры с Ониковым – о прошлом партии, о причинах безобразий, об «упадке» русского начала в деятельности «общесоюзной» партии (вторые секретари, да не те…), о Б.Н.'е и его «истории партии», о Сталине, о Яковлеве, о своих коллегах и о том, что будет с аппаратом ЦК после съезда, о «логике» аппаратных передвижений и т.д. и т.п. Он очень интересен, и очень осведомлен, и глубоко думает, этот обрусевший идейный армянин.

13 января 86 г.

Самое перманентное ощущение в Тамбове - очень неуютно от пребывания в положении «большого московского начальства». Тем более, что я искренне считал, что люди – все эти делегаты, партийцы, секретари обкома – гораздо значительнее меня и полезнее, чем я. Они работают, у них настоящее дело. А я волею случая и «аппаратной логики», вознесенный на высокие ступени иерархии, в общем-то дилетант, да еще не по тому профилю, чтоб возвышаться над 100 000 парторганизацией.

Только после своего выступления, т.е., сделав для них какое-то «дело», я почувствовал в себе «право» быть в том положении, в каком оказался – старшим по партийной иерархии.

18 января 86 г.

Заявление Горбачева. Он, видимо, действительно, **во чтобы то ни стало**, решил покончить с гонкой вооружений. Идет на тот самый «риск», в котором он смело увидел отсутствие риска, потому что никто на нас нападать не будет, даже если мы совсем разоружимся, а страну, чтоб ее возродить и поставить на твердый путь, нужно освободить от бремени вооружений, истощающего не только экономику.

Боже мой! Как нам повезло, что среди ПБ нашелся такой человек, какую поистине «государеву» мудрость проявил, - Андропов, который обнаружил Горбачева и вытащил из провинции!.. Причем именно его: ведь в СССР, кажется 95 краев и областей. И потом навязал его Брежневу!

Если бы не нашел Андропов Горбачева, с кем бы мы остались: на место Черненко претендовали – Гришин, Романов и Громыко. Можно себе представить, какая судьба ждала бы Россию, если б любой из них, да еще после Черненко, встал во главе. Страшно подумать!..

Но мы получили редкостного лидера: умница, образованный, «живой», честный, с идеями, с фантазией. И смелый. Мифы и табу (в том числе идеологические предрассудки) – для него тьфу. Он через любой переступит.

Однако, опять проблема кадров. Смена идет чуть ли не повальная. На каждом Секретариате и ПБ – по десяткам. А взамен кто? Есть уверенность, что те, кто в состоянии вести горбачевскую политику и по-горбачевски? (Дело не в желании, а в умении!) Некоторые экземпляры показывают, что увы! – не так.

На неделе, которая закружила и быстро выветрила тамбовщину, кое-что произошло.

Интервью Горбачева для «Юманите». Дюжина вопросов – от «не происходит ли сейчас в СССР новой Октябрьской революции» до обращения с евреями: нам, мол, французским коммунистам, это нужно («мы-то понимаем!»), чтоб бороться против антисоветчины у себя.

И опять Б.Н.'а от этого отстранили. М.С. поручил готовить материал к интервью Зимянину. Б.Н., было, воспротивился, - буду де звонить. Но не стал. Зимянин попросил меня как-нибудь уладить с Пономаревым: ты, мол, умеешь со своей «уравновешенностью» и «выдержкой» (!)… Польстил.

Я Б.Н.'у ничего не сказал. А душа болит. И заболела еще больше, когда увидел наброски, которые насочиняла группа по подготовке материалов к интервью. Какое убожество! Горбачевщиной там и не пахнет. И это люди из экономического отдела (где должны бы вроде понимать «новую стратегию»), из замятинского отдела, где должны бы вроде уметь писать о новой стратегии мира к 2000 году.

Поразительно. Как ни говори, несмотря или, может быть, благодаря Пономареву, у нас «сочинительская школа» несравненно выше. И думающих людей много больше, чем в других отделах, интеллектуально ответственных.

Однако, хозяева не мы: я написал (или переписал) об отношениях между КПСС и ФКП, об антисоветизме в контексте советско-французских отношений, об Афганистане и о «революционности» намечаемых социально-экономических сдвигов. Удастся ли это внедрить, не знаю. И не хочу официально прислоняться, чтоб Зимянин не представил дело так, что наш Отдел тоже сочинял. Козлов и Гусенков в подготовительной группе – это одно, а зам. зав. – другое!

Вчера у Пономарева был день рожденья: 81 год. Так как Загладин в Туркмении на съезде, говорить пришлось мне (в присутствии группы избранных). Говорил красиво (потом все меня поздравляли: «в ударе», «содержание и форма»), но накануне мне было очень неловко – лицемерие неизбежно. Оценки его достоинств и качеств, тех, которые у него есть, нейтрализуются ведь другими его свойствами и чертами, а об этом не скажешь. Он был растроган. Опять вспоминал свою большевистскую юность, но обратил внимание и на мой заход о нынешнем новом этапе - что нам, Отделу (и ему лично подразумевается) не надо было ломать себя, чтобы вписаться в новый стиль работ. И это, пожалуй, правда: критику у нас не гнали, ценили собственное мнение, а не поддакивание, свобода слова и дискуссий – хоть куда, инициатива всегда поощрялась, хотя почти никогда и не реализовывалась. Однако, если говорить о содержании работы нашей – то все как раз наоборот: реализм в оценке нашего «объекта» присутствовал лишь в дискуссиях, а на служебный уровень его Б.Н. не пускал, здесь до сих пор преобладает аллилуйщина и «лакировка действительности». Соответственно и характер работы в МКД: он давно уже стал инерционно-анахроническим, совсем оторванным от реалий. Во всем этом – главная вина на Пономареве, который не хочет присутствовать при развале «империи», которую он с комсомольских времен считает авангардом прогресса.

Теперь о самом главном эпизоде, который может круто повернуть всю мою жизнь. Явился ко 14 января ко мне Юрка Арбатов. По делу: перед отъездом в Индию на Комиссию Пальме. Но вместо того, чтобы читать бумаги и слушать меня, завел странный разговор. «Знаешь, говорит, Сашка Яковлев позавчера уехал «на Юг» (к Горбачеву, который там готовит свой политический доклад съезду). Мы с ним разговорились по поводу ухода в отставку Александрова (помощника Генсека, с которым, кстати, у меня вчера произошла очередная стычка по текстам писем к ФКП, социал-демократам и революционным демократам в связи с Заявлением Горбачева о ядерном разоружении). Я и говорю, продолжает Арбатов: скажи М.С., что лучше Черняева он не найдет замены… знает международные дела, знает их с угла аппарата

ЦК, честный, умный, опытный. Сашка согласился. Не знаю, говорил ли он уже с М.С... Но ты, смотри, не вздумай отказываться: и его и меня в говно посадишь».

Примерно в этот момент раздается звонок. Звонит Яковлев. Он уже вернулся в Москву. Говорит, что М.С. просил, чтоб я, именно я лично, посмотрел раздел его доклада, где об МКД, и переделал, если сочту нужным. Я, естественно, сказал, что готов. А он добавляет: я, говорит, наверно, попортил тебе жизнь...

- Что значит попортил? – удивляюсь я, хотя сразу понял, о чем речь. Но он не стал раскрываться, несмотря на мои «наивные» вопросы и настояния.

Так что треп Арбатова оказался правдой. Я пытался ему, Арбатову, объяснить, почему я не подхожу. Он махал руками. «Ты, что, в своем уме? Да если мне Генеральный секретарь, и какой – Горбачев! – предложил бы референтом (не помощником!) к нему идти, я побежал бы не задумываясь. И не из корысти и положения. А чтобы помочь ему в великом деле, которое он затеял. Неужели ты не хочешь помочь ему? Он очень нуждается в умных советах, в свежих идеях»...

Когда Арбатов ушел, я стал думать. Единственное, что «за» – это невозможность отказаться. Неприлично это именно по арбатовскому мотиву.

Все остальное против: Горбачев меня по-настоящему не знает, хотя я ему и понравился. Я сразу разочарую его отсутствием той энергии, в которой он нуждается и на которую во мне рассчитывает. «Технически» я сразу резко буду контрастировать с ушедшим Александровым, который мог за полчаса прочитать десятки шифровок, столько же всяких прочих бумаг и четко, стройно и с выводами изложить «шефу» самое главное, причем на память, без бумажек. Нет у меня и характера общаться хотя бы на равных с МИД, с КГБ и проч. внешними ведомствами отстаивать то, что в их предложениях мне не «показалось» бы, т.е. вести перманентную серьезную полемику с ними.

И потом, я устал. Мне 65 лет, хочется ровной жизни, побольше покоя и побольше времени на себя, на книги, на выставки, на театр, на Консерваторию, на любимых и проч. женщин. Мне уже не к лицу суетливая должность помощника, не говоря уже о том, что не хочется терять той (весьма большой) самостоятельности, которой я пользуюсь на своем месте (впрочем, это при Пономареве, что будет после него – трудно предположить), не хочется и уходить от окружения – из Отдела, где меня знают, уважают, где отлаженные естественные отношения, где знаешь, как себя вести в любой ситуации.

Вот так-то! Кроме, повторяю чувства долга и чего лукавить – тщеславия, ничто меня не тянет «туда»…

26 января 86 г.

Одна знакомая выложила мне о всех перемещениях: и о Гришине, и о Дементьевой, и о Пастухове – что его послом в Данию, и о Захарове – вторым секретарем МГК. Мы там, в аппарате ЦК, о всех перемещениях узнаем из протоколов Секретариата (т.е. неделю спустя), а Москва загодя все знает.

Загладин тут мне говорит: приходила вечером врачиха (а она у них «домашняя» – друг дома, на свадьбе даже была) и сообщает: мол, врачи Пономарева, Кузнецова, Зимянина, Русакова, Капитонова предупреждены, что скоро их переведут во «второе отделение». Спрашиваю: что такое «второе отделение»? Это, говорит, Загладин, где мы с тобой. Я диву даюсь! Либо начальство Кремлевки «вычисляет» заранее, либо они уже знают об имеющем быть вот-вот решении (которое может быть только на уровне Горбачева) – об увольнении вышеупомянутых на пенсию!

… Это, однако, «мелочи» по сравнению с московской городской конференцией 24 января. – Доклад Ельцина по симптоматичности, отражающей глубину и масштабы перемен, можно поставить в ряд с XX съездом – о культе. То есть это уже (по духу, словам, подходу) действительное возвращение к ленинским «нормам» и порядкам в партийной жизни и работе. За «Московской правдой» (в которой опубликован этот доклад) теперь гоняется весь мир…

В стиле времени, но и что-то от жестокого лицемерия – что и Гришина посадили в президиум конференции (он ведь еще член ПБ)… Он, конечно, ничтожество. Отсюда и все его пороки и вина. Он – продукт брежневиады… хотя и не пассивный, не «а что было делать» (если поручили!)… Тем не менее, по Москве разговоры: надо бы две звезды-то с него снять.

Вчера встречался с Искрой и ее мужем известным философом Гулыгой. Не перестаю удивляться: вот люди из высоколобой интеллигенции, Искра тоже партийный активист районного масштаба, была делегатом районной (Севастопольской) партконференции. Но их почти не волнует происходящее в политике. Допускаю: они из тех, кто не верят (о которых говорил и Ельцин), которые разуверились. Ладно. Но как же можно быть равнодушными к самому факту устремленности нового руководства к переменам?! Искра даже не читала Ельцина: ей Гулыга по «Правде» пересказал! И опять

заговорили, что, мол, Зощенко-то по-прежнему не разрешили издавать целиком. Видно, они ждут: когда разрешат, вот тогда действительно – перемены! Таким масштабом интеллигенция мерит происходящее!!

В Отделе все отчетливее чувствуется «изоляция» Пономарева. Его отстранили даже от таких дел, которые прямым образом касаются Отдела. Видно, доходит это и до «внешнего мира». Луньков из Рима катит на него и на Загладина большую бочку. Чуть ли не в каждой шифрограмме пересказывает мнение (а может быть, вытаскивает из когда-то сказанного) лидеров ИКП. Мол, - все они в восторге от Горбачева, от происходящих у нас перемен, только вот в руководстве Международного отдела ничего не меняется, засели там брежневцы и знать ничего не хотят, действуют методами, будто на дворе Коминформ. Кьяромонте будто бы сказал: «Что поделаешь! Десятилетиями так сложилось, что на наших товарищей одно упоминание о Международном отделе ЦК действует, как красная тряпка на быка! Но не подумайте, продолжил он, - что это переносится на нынешнее руководство ЦК. Отнюдь. От него мы в восторге и многого ждем»…

Итальянцы теперь уже в открытую называют Загладина, как ведущего в нашей интриге с Коссутой[1]. Видно, они засветили их связи, в том числе и финансирование патронируемых Коссутой изданий. Говорил я Вадиму об этом, и Пономареву тоже ворчал: ничего эти методы не дадут, самого Коссуту подставим и себя разоблачим. Не те времена, чтоб такими приемами загонять «братские партии» в просоветскую овчарню Но увы! – иным себе комдвижение наш Пономарев не мыслит. Поэтому и спета его песня (а не только потому, что ему 81 год).

Продолжаю читать «Фаворита» Пикуля. Медленно. Очень поучительно и веришь, что именно так делалась наша история... и не без последствий даже для нынешних времен. А Екатеринушка-то у Пикуля весьма аппетитная... И еще раз поразился ассимилирующей силе русской нации. Ведь не стала бы она Великой, не заставив себя стать русской, а она сделала себя русской и сделала это искренне, с удовольствием, необратимо и не только – из честолюбия, а и по закону отталкивания от своей прежней национальности… Не представляю ее себе на английском или французском престоле, хотя там Западная Европа!

29 января 86 г.

---

[1] *Коссута – один из членов руководства ИКП, который не один год возглавлял проКПСС'овскую оппозиционную группировку в партии.*

Все сильнее чувствуется вынесение за скобки нашего Отдела (Пономарева). Горбачев преднамеренно сделал так, чтобы не приглашать Пономарева на переговоры с Наттой. Загладин присутствовал, но официально (в печати) и его не назвали, как участника (только по фото и TV он наличествует).

Сегодня видел текст речи Горбачева на обеде, в честь Натты. Текст очень сильный, горбачевский. Прочел стенограмму первого дня (внутренние вопросы, но затрагивалось и отношение КПСС-ИКП, и международные дела). Это коренной поворот в нашем поведении в МКД, совершенно новый курс и стиль общения с компартиями. Спор о «еврокоммунизме», с которым тов. Пономарев 10 лет вел борьбу, занесен в разряд «мелочных» явлений (термин из речи Горбачева), и его надо решительно прекратить, - чтоб не мешал солидарным действиям братских партий.

В беседе один на один Натта деликатно поставил вопрос о «нашей поддержке» Коссуты и получил фактически от М.С. заверение, что это «недопустимо»: отношения только с руководством, Генсек с Генсеком, открытые и доверительные. Внутрипартийные дела – это внутрипартийные дела. (Таким образом, шапошниковско-пономаревский вариант с финнами тоже накрылся, я думаю).

Пономарев походя выразил мне свое «недовольство». «С Наттой 8 часов! 8 часов! Зачем? Кому это нужно? Какой толк!?» Тем самым Пономарев сам ставит себя в положение «вне игры».

Ермонский на той неделе привозил мне от Яковлева(из Волынского) международный раздел политического доклада к съезду. Здорово. Кое-что я поправил, написал.

Он, Яковлев, вообще вознесся и зазнался. Сложился новый «центр силы»: Яковлев, Разумовский, Медведев, Лукьянов. Они при Генеральном. Они вершат личные судьбы и дела.

Впрочем, позавчера на дачу Горького отправлена группа во главе со Слезко (бывший помощник Лигачева, теперь первый зам. Яковлева, бывший идеологический секретарь Томского обкома) – для доведения проекта Программы по четырехмиллионым замечаниям и предложениям, которые появились в результате всенародного обсуждения «новой редакции». Одновременно – слушок, будто Программа будет «отодвинута» (т.е. не будет приниматься на съезде)? Ой ли! А впрочем, почему бы и нет? Обсуждение показало, что столько предложений по исправлению и улучшению, что лучше пока отложить… Может быть, для специального Пленума, а не до следующего съезда! И было

бы правильно. Потому, что в нынешнем виде она не соответствует «стратегии апрельского Пленума».

Глубоко убежден, что Пономарев съезда не «переживет». А что будет? Загладин мне рассказывал о своем разговоре с Горбачевым после первого дня бесед с Наттой. Сел, говорит, скрестил руки и саркастически выспросил: «Ну что? Будем ликвидировать комдвижение или восстанавливать?» На очевидный ответ Загладина, спросил: «А в чем причина, как восстанавливать?»

Загладин будто бы ответил (и правильно, если так): надо прежде всего иметь линию, которой нет у КПСС уже много лет. И надо признать на деле равноправие партий. Горбачев это подхватил, но сказал: линии мы до завтрашней беседы с Наттой не выработаем. Однако, это ваше дело (т.е. Международного отдела) и думайте, предлагайте. На съезде я кое-что скажу на эту тему.

Мне бы очень хотелось поговорить с Горбачевым об «этих предметах»... Откровенно – о том, как и почему мы помогали загонять МКД в тупик на протяжении 20 с лишним лет.

1 февраля 86 г.

Вчера часов в пять позвонил Горбачев и предложил стать его помощником. Я сказал: это, конечно, большая честь, но вы уверены, что я гожусь для такого дела?

- Я, ответил он, уверен, - оставив, таким образом, мне решать, уверен ли я сам.
- Я не считаю это повышением, это для меня умножение ответственности и долга. И, конечно, интересно непосредственно участвовать в новом деле, которое вы начали.
- Ну ты ведь не один будешь... Наверно, ты заметил, что Яковлев сейчас со мной рядом...
- Заметил. Я давно его знаю... Понимаю, что не один. Однако, организатор из меня плохой.
- Ничего, разберемся. Ты мне давно понравился... с нашей первой совместной поездки в Бельгию. Помнишь? (Еще бы! Это было в 1972 году, кто бы мог подумать, чем обернется для меня эта поездка!). Мне нравится твоя партийность (?), твоя эрудиция, твое спокойствие в ответственные моменты (что он имел в виду?) Ну, так как?
- От таких предложений не отказываются, Михаил Сергеевич!

- Правильно. А здоровье как?
- Я человек спортивный. Однако лета дают себя знать.
- Ну, так ладно! Вот разделаюсь с очередными делами… Леруа (член ПБ ФКП, редактор «Юманите») тут должен приехать, интервью ему придется давать. А потом внесу предложение о тебе…

Впрочем, вспомнил: разговор он начал с другого.

- Что делаешь сейчас?
- Текучка… Читал сегодня стенограмму ваших бесед с Наттой.
- Ну и как?
- Переломное событие.
- Хорошо бы, если бы это поняли не только итальянцы.
- Да… и в особенности не итальянцы.

(Оба мы, уверен, в этот момент имели в виду прежде всего Пономарева). Горбачев, конечно, не знал, как Б.Н. информировал тем же утром своих замов об итогах бесед с Наттой, и как он напутствовал письмо избранным братским партиям об этой встрече. Из этой «информации», которая изображала суть дела полностью наоборот, следовало, что он, Пономарев, действительно ничего не понял, не только не может, но и не хочет понимать.

Главная его идея была – донести до адресатов, что разногласия остаются и что, собственно, ничего особенного не произошло. Он даже «не заметил», что спор о еврокоммунизме отнесен к разряду «мелочных». Нюхом он догадывался, что нельзя негативно оценивать встречу и для телефонов (по которому, он убежден, его подслушивают) произнес даже, что речь Горбачева на обеде «основана на марксизме-ленинизме». Однако, главной его заботой было, чтобы не создать у братских партий впечатления, что можно ругать КПСС, не соглашаться с ней, а мы все равно будем за братские отношения. И т.д. и т.п.

Когда я сказал своей секретарше, что меня делают помощником Генерального секретаря, она заплакала. Обо мне и о себе. И это правильная реакция. Я не знаю, какова будет эта работа, могу только догадываться по прежним наблюдениям за Александровым. Чувствую, что я не справлюсь, во всяком случае не смогу быть на том уровне, который необходим Горбачеву в данный момент. Но я буду стараться, а это укоротит мою жизнь на несколько лет. Личная жизнь практически будет сведена до ничтожно малой величины. А свобода вообще останется в воспоминаниях. Только теперь я могу оценить, какой огромной самостоятельностью и свободой я пользовался

при Пономареве, хотя для дела результаты были минимальны – от этой свободы и самостоятельности.

Вчера видел спектакль Товстоногова-младшего «Улица Шолом-Алейхема, 40» в театре Станиславского. Это событие в общественной жизни. Свидетельство огромных перемен, которые происходят. И кроме того, высокое, настоящее искусство, которое волнует, выжимает слезы, берет за горло.

Театр переполнен, но, увы, главным образом (на 95 %), евреями, а смотреть его (и переживать свою вину) надо русским, ибо они создали эту ужасную проблему, от которой не избавиться теперь десятилетия. Спектакль надо выносить на телевидение, чтоб видели миллионы и усвоили, что «ситуация» с еврейским вопросом меняется: со времен Михоэлса ничего подобного на сцене и вообще где бы то ни было легально невозможно было даже вообразить…

2 февраля 86 г.

С утра внимательно читал «Литературку»: продолжение дискуссии о публицистичности прозы, полоса об анонимках, статья о понимании нашей литературы на Западе – есть, оказывается, там и такие, которые хотят понять и поэтому не должны быть предметом «отпора», - это проще всего. О нашем переводческом искусстве – против Аннинского…

Был Арбатов… потом погуляли с ним. Расспрашивал, - как я отреагировал на предложение Горбачева: знает, что тот мне звонил. Юрка уверял меня, что все будет прекрасно. Я его – в том, что будет плохо: заест текучка с шифрограммами.

Рассказал мне, как готовилось интервью для «Юманите». Ему позвонил М.С., просил приехать: мол, то, что дали Загладин с Александровым, скучно, банально, невозможно. Юрка за ночь переделал. Лучше, много лучше того, что я видел в варианте, который был до Загладина. Особенное значение – пассаж о XX съезде – положительный. Но что-то (мной самим написанное ранее) – об Афганистане, об МКД, об отношениях КПСС и ФКП – пропало и жаль. Не знаю на каком этапе.

Арбатов рассказал, что в адрес М.С. идут анонимки от военных с угрозами поступить с ним как с Хрущевым, если он и дальше будет «за» разрядку. Лукьянов доложил – и напрасно. Потому, что был вздор, никто не может организовать мятеж, никакие военные.

Юрка «учил» меня также не поддаваться шантажу СОИ и «шатллов»: и то и другое умрет само собой.

3 февраля 86 г.

Сегодня днем, как раз когда у меня сидел Шапошников, позвонил Горбачев.

- Здравствуй! Я только что говорил с Пономаревым. Сказал ему, что беру тебя к себе. И уже подписал проект постановления, пустил по Политбюро.
- Спасибо… - и молчу. Он тоже молчит, ждет, что еще скажу… - Спасибо за доверие… - Опять молчание…
- Ты что? Колеблешься?
- Нет… Но я же вам уже сказал, справлюсь ли? Вы уверены?
- Я уверен.
- Но мне нужно разобраться с делами здесь…
- Два дня тебе. И приступай.

Шапошников, сидевший напротив, догадался, что идет речь о каком-то назначении. Но когда я ему сообщил, о чем речь, его всего передернуло. Он даже подскочил. Как потом определил Брутенц, многих перекосит это «торжество справедливости».

Ну, и пошло, конечно, по Отделу. Вечером уже позвонил Загладин, ему Александров сообщил, что есть уже решение о замене его мной. Загладин бодренько поздравлял и выразил надежду, что теперь-то нам удастся сделать то, что задумали.

Вызывал Пономарев. Смущенный. Пытался изображать дело так, что это чуть ли не по его рекомендации. Но я не дал ему завраться и рассказал, как было дело.

Мямлить не надо. Надо сделать последнее усилие над собой и постараться спокойно делать то, что могу. «Дальше фронта» не пошлют. Единственно, что боюсь, что не оправдаю надежд и расчетов на меня Горбачева. И не знаю, чего он хочет от меня…

Завтра надо разбирать монатки, накопившиеся за 20 лет.

22 февраля 86 г.

Не писал эти две недели. Но за это время произошел переход из царства относительной свободы в царстве абсолютной необходимости. Каждый день, в том числе

в субботу, огромный поток информации. И если там, в Отделе, можно было многое пробегать – политических последствий от этого не могло быть, разве неприятности с Б.Н., то тут ты обязан замечать все и что-то недоглядел – может обернуться не только «разговором» с Генсеком.

Угнетает даже не это. А неопределенность прав и обязанностей, вплоть до того, что не знаешь, с чем идти к нему, а что – в общую папку.

Разговора, «объяснения» - так и не состоялось. Сразу я был запущен в дело: беседа с Кеннеди… (и фото в газете, по которому все меня знающие начали «вычислять», что со мной).

После первого ПБ (а я теперь на каждом должен быть) он собрал некоторых: Яковлев, Лукьянов, Медведев, Болдин, Смирнов и я. Делился своей реакцией на четырехчасовое обсуждение проекта его политического доклада съезду (документ равный XX съезду вместе взятому, - по энергии и мастерству, в нем заложенным). Тут же сказал, что поедем в Завидово на недельку отключимся и доведем. Но вечером – для меня был Кеннеди, в ночь – обработать запись беседы, где М.С. опять показал свою манеру убеждать, отстаивать, доказывать…

А на другой день призвал меня на свое рандэву с Чебриковым и Шеварнадзе и сказал: «Я хотел тебя на доклад определить. А теперь вот придется тебе вот этим заняться – сейчас узнаешь»… Речь пошла об интервью для TV, чтоб в форме ответов советским зрителям сообщить Западу некоторые наши ответы и «подвижки» по ракетным делам. Идея возникла под впечатлением беседы с Кеннеди. (Сказать, что «евроракеты» не связываем с СОИ, что готовы убрать из ГДР и ЧССР тактические ракеты на первом раунде, что мы понимаем под «фундаментальным» исследованием и вообще чего от нас хочет Америка). Мидовцы сделали болванку. Скучно. Я, не надеясь на себя, призвал Арбатова, который делал и для «Time» и для «Юманите» – знал вкусы. За день вдвоем сделали 20 страниц, Отослал. На утро вернулось: «Выступать не с чем. Наши люди не поймут. Разбросано» и проч. Первый блин… Может быть, потому что слишком доверился самоуверенному Арбатову (хотя Яковлев меня предупреждал, что ему не раз велено было «вычищать» из текстов арбатовщину).

(Кстати, Кеннеди сказал Загладину: мол, ваш Арбатов, что наш Киссинджер). За день переделал… Но на этот вариант ответа не получил. Оказывается, Яковлев ему намекнул, что несвоевременно. Впрочем, я тоже сказал это при Шеварнадзе и Чебрикове, но был не понят. И М.С. заколебался: уж слишком интервью налезет на съезд, на его доклад, можем перебить реакцию. С этим вопросом он вышел и на ПБ. И

все согласились, что не надо. Впрочем, часть вещей из этого интервью он велел мидовцам «добавить» для политдоклада.

Итак, я в Завидово не попал. Но, как меня учили коллеги, писал ему записочки по материалам, которые шли потоком и из которых я выбирал то, что мне казалось входит в мою «компетенцию».

Например, в докладе о стратегии отношений с ФРГ предложил подумать о «проблеме воссоединения», от которой никуда не денешься, раз уж стратегия. (чем кончилось – не знаю). Предложил не поздравлять публично новое йеменское руководство… Это принято, но, может быть, так произошло бы и без моей «подсказки». Предложил написать статью по «региональным кризисам – против «неоглобализма». (Согласился).

Но в одном уже сильно вмешался в политику: застопорил приглашение на съезд и КП Финляндии, и синисаловцев. Через Секретариат это могло бы проскочить в пакете с другими дополнительными партиями. Но у меня «право» контроля.

М.С. среагировал. Звонит (у него – Лигачев), читает вслух мою записку. Что-то говорят. Он мне: «Выносим этот вопрос на ПБ, подготовь материал». Естественно, Лигачев поручил и Б.Н. дать материал. Он (через Шапошникова) представил: опять же о том, что Аалто антисоветчик и ревизионист, что он раскалывает партию, что теперь уже «меньшинство» стало большинством и т.д. Словом, переписано с письма Синисало, которое только что в Отделе было получено.

Я же написал то, что писал и говорил в Отделе неоднократно, на чем настаивал и по поводу чего ругался с Пономаревым, а летом даже предупредил, что, если он будет настаивать, нарвется.

После беседы с Наттой, в которой Б.Н. ничего не понял, несмотря на свой нюх, после замечания М.С. насчет Коссуты, после того, что он заложил в свой политдоклад (о равноправии и невмешательстве) было просто глупо проводить и дальше синисаловщину в финской КП.

Бумаги Б.Н.'а (Шапошникова) были на руках у всех членов ПБ, секретарей ЦК. Более того, они давно уже привыкли, что Аалто антисоветчик и его надо добивать… Шапошников был приглашен на ПБ (видимо, по просьбе Б.Н. – и это еще одна его ошибка, как оказалось). В «предбаннике» он натолкнулся на Зайкова, который, будучи ленинградским секретарем, не раз под руководством Шапошникова и в Ленинграде и в Хельсинки проводил «шапову линию». Зайков бодро пообещал Шапу и дальше «громить ревизионистов».

Шапошников (мы встретились на лестнице) был переполнен уверенности, что вот, мол, наступил момент, когда будет нанесен смертельный удар по Аалто, сбудется его голубая мечта. Я, откровенно, не уверен был, чем кончится. Волновался, тем более что М.С. намекнул, что, может быть, мне нужно будет выступить с содокладом. Однако Горбачев такт проявил и ко мне и к Б.Н.'у – чтоб не моими руками его разносить.

И устроил такой погром Шапошникову, а фактически Пономареву... (тут-то и ошибка: не будь Шапошникова, М.С. проявил бы такт по отношению к старику, а при Шапошникове – его сделал мальчиком для битья).

Идея основная такая: кончилось время, когда мы распоряжались в братских партиях, как в обкомах и в республиканских ЦК. Не согласны мы с ними в чем-то, будем отстаивать свое. А не отлучать, не интриговать, не лесть в их дела.

Шапошников, наглый, вскочил, стал что-то доказывать. М.С. ему: «Сядьте. Если нужно будет, вас спросят...» Б.Н. был жалок и тут же начал приспосабливаться, вилять, оправдываться. Ужас! (И еще и еще раз я убедился: отсутствие интеллигентности = отсутствию человеческого достоинства).

Но еще до этого, числа 14-го, когда я все же решил сходить к Б.Н.'у – он стал просить замолвить слово за него у М.С., чтоб его, наконец, сделали членом Политбюро! Я вежливо молчал, а он мне «доказывал», что он лучше понимает в международной политике, чем Чебриков и Шеварнадзе... Кто они такие? Мальчишки. Напоминал, что он и в отношении Китая занимал «всегда правильную линию» и т. д.

Таким образом, с моими естественными предположениями, что он нервничает по поводу ожиданий, останется ли он вообще в тележке,... я опять опростоволосился. Оказывается, его заботит совсем другое – повысят ли!

Между тем, я уже знал: мне Лукьянов намекнул, что его уйдут и «активность его жены и всего семейства» по продвижению его вверх через семейные каналы уже вызвала раздражение. А Сашка Яковлев прямо заявил, кивая на М.С., что «решили оставить в ЦК, как старого коминтерновца», но – на пенсии!

Со мной Б.Н. уже говорит заискивающе... Очередной хамелеонаж. Противно и жалко. Прислал мне кусок кабана, убитого им на охоте. Как это делал уж много лет. Но сейчас-то – мерит всех на свой аршин.

Был Бовин. Тут, действительно, драма. Всю свою политическую карьеру он боролся за то, чтобы наступило время, которое теперь наступило. И как раз в это время его задвинули. Именно – при Горбачеве. Он сваливает все на Яковлева. Два мотива у него:

во-первых, Бовин, оказывается, был причастен к высылке Яковлева в Канаду. Яковлев как-то сказал Бовину и Арбатову: зачем вы стараетесь на Брежнева, хотите эту серость в культ превратить?! И только вчера Бовин сам признался, что он «довел» (это высказывание) до сведения;

во-вторых, еврейское самомнение: «рядом со мной (Бовиным!) Сашка (Яковлев) побледнеет в глазах Генерального сразу!»

Принес мне свои талантливые эссе (о постановке пропаганды, о Никарагуа, о «смысле жизни» - (как представляли его для себя) Ленин, Сталин, Хрещев, Брежнев, Андропов, Черненко и …»).

Ничего, мол, не прошу. Но пришел-то просить… Я понимаю. И когда-нибудь пойду к М.С. насчет него. Но на съезд он уже не попадает и из Ревизионной комиссии, куда его, простив, поместил Брежнев, он вылетит. Жаль. Арбатов от него, кажется, отступился, узнав, что Горбачеву он «не симпатичен».

Провожали Александрова – три девочки из его секретариата и двое коллег-помощников, не любившие его очень. И все! И как бы провожали меня из Отдела, если б я согласился на проводы! До сих пор «рыдают», как они выражаются, с кем ни поговори. Вот сейчас только почувствовал, что меня в Отделе «любили».

Это лирика… А работа – не понятная для меня пока. Определил для себя направления:

- разоружение;
- советско-американские дела;
- МКД;
- региональные кризисы;
- еврейский вопрос;
- идея «Совета национальной безопасности»

А как буду по ним идти, не представляю.

Главное же – страшные нервные перегрузки и отсутствие какого бы то ни было времени на себя.

7 июня 86 г.

Не пишу не только потому, что нет сил после 14-16 часового рабочего дня. Не пишу еще и потому, что очень трудно все это осмысливать и излагать. В моем положении можно писать только о нем – осмелившемся вновь поднять Россию на дыбы (вознамерившемся пока) – Россию послесталинскую и послебрежневскую.

Пришел мини-Ленин…, каким его изобразил Маяковский. Вроде бы простой, обыкновенный человек, со всеми присущими умному, нормальному, здравомыслящему и практичному человеку чертами – и одновременно все эти черты подняты на несколько порядков по сравнению с обычным рядовым «товарищем».

А если считать сверху, от Ленина, то он обладает всеми присущими и Ленину качествами, но все они пониженного уровня. И увязка этих качеств, «комплексность» у него тоже ленинская.

Словом, надо писать о нем каждый день. Ведь я почти каждый день вижу и слышу его. Он откровенен невероятно, иногда шокирует своей «доверительностью»: ее пугаешься – почему он вдруг обременяет тебя ответственностью знания самого сокровенного в нем.

Писать о нем – это мой моральный долг… Это даже важнее, наверно, чем добросовестно исполнять при нем свои служебные обязанности: он обойдется и без меня. А вот если я о нем не напишу, это будет величайшая потеря для истории… даже, если он не справится с тем грандиозным делом, на которое он замахнулся.

Но надо сразу записывать, когда он говорит один на один, когда он ведет политические беседы, когда он раскованно что-то обсуждает в узком кругу и, конечно, когда он ведет Политбюро: это огромное богатство ума, характера, осведомленности,

---

* *На Щербину была возложена координация всей работы по последствиям Чернобыля.*

знаний, точности в умении схватить суть, решительное неприятие даже подобия демагогии и попыток прикрыть что бы то ни было идеологией, в особенности бездарность и неумение работать.

За день он пропускает через себя колоссальное количество информации. Я не могу понять, как он успевает. И эта информация идет в дело, в переработанном виде она вырывается умозаключением, анализом, выводами, решениями, несогласиями или поддержкой кого-то…

95 % времени и сил уходит на внутренние дела… Хотя, если судить по газетам и TV – кажется наоборот. (Кстати, обыватели на этот счет уже ворчат).

Не надо лениться (дай Бог, сил) – особенно на Политбюро – надо делать пометки, а вечером воспроизводить, а то и сразу, на работе… И уж, конечно, фиксировать, что он говорит мне или в моем присутствии. И хотя бы делать каждый вечер перечень дел, по которым с ним пришлось общаться. Очень много выветривается, остается только впечатление, а фактическая канва исчезает и мысли его, особенно их форма и контекст.

Но начну… На столе у меня здесь пара листков. Лежат больше месяца. Это пометки. Например, помощники собрались зайти к нему к концу дня поздравить с 1 мая. Он усадил и часа два размышлял вслух. Что можно выудить из этих набросков?..

Что спасало страну (при Брежневе)? «Нефть + водка + терпение народа».

Бюрократизация аппарата, партийного, особенно с 1975 года. Все захламлено, загнило, не разберешь где что, кто к чему и зачем… Завал полный – особенно в мыслях о человеке (исчезновение социальной политики).

Впрочем, говорили всегда правильно (возьмите любую речь Брежнева). А делали… Да вообще ничего не делали. Только под себя!

Обобщать живой опыт, раз «народ творец истории», как болтаем на каждом углу. И демократия! Ничто нас не спасет, если не развяжем демократию. Ленин был тысячу раз прав. Искать, искать ее формы и учиться у людей, кончать с поучениями и окриками «умников», которые все знают и умеют только учить.

«Власть» сейчас самое доходное дело. Поэтому все рвутся к власти, а дорвавшись – удельные князьки.

Об учебнике по истории КПСС… (тут я встрял и понес пономаревщину, учебники, которые окончательно отвадили даже студентов от нашей истории. Надо, мол, посадить пяток толковых людей, не профессоров, и даже не специалистов, дать им дачу и год времени. Все у них в руках, даже архивы, за границей советологи все написали, в

том числе по троцкистским архивам и по нашим собственным газетам, книгам, журналам… Сотни книг по истории КПСС. Пусть напишут бестселлер. ЦК потом просмотрит…).

Тогда он промолчал. А две недели назад на ПБ, к слову пришлось, сам произнес бурную речь в этом духе и тут же поручил Яковлеву и (увы!) Зимянину организовать конкурс на краткий учебник по истории КПСС…

… Левым силам в США, в Западной Европе нанесли поражение технологией, производительностью труда. Побеждает тот, у кого выше производительность. Это Ленин сказал, а мы долго прятались от этой истины. Жизнь выше всякой идеологии.

Не удержать третий мир, если не привязать его технологически. Это они (Запад) и делают.

А нам и социалистические страны не удержать, если не привяжем их технологически.

Идет борьба. Настоящая борьба за съезд. Сопротивление огромно и разное. Статья в «Правде» от 27 июня «Против течения». Решается вопрос «либо-либо». Либо мы выполним, что и как наметили, либо завалим социализм.

Таково содержание (набросок) одного только его разговора с помощниками.

Сколько я утратил за эти месяцы, не помечая. Впрочем, первые два месяца я как в шоке был. Сейчас только, может быть, наладилось у меня с ним.

22 июня 86 г. Продолжение **дневника.**

45 лет с начала войны. Надо как-нибудь записать – каков был этот день…, как сейчас помню – до мелочей.

Перед съездом писателей. Вокруг, включая «самого» Яковлева выражают удивление, что сохранен «курс на Маркова», несмотря на то, что он, казалось бы, символ брежневиады в советской литературе. В 27 издательствах выпустил только в 1985 году свои серые поделки. 14 млрд. рублей на сберкнижке. Центр притяжения прохиндеев и посредственности, «дважды герой социалистического труда» – в данной ситуации это клеймо, а не заслуга. Но он «друг детства» (или юности, или по совместной работе, или по землячеству в Сибири) – Лигачева. И тот, зная, что Марков этим злоупотребляет и что все уши уже прожужали насчет семейственности, кумовства и проч. – т.е., что он марает престиж Лигачева, упорно его держит. Яковлев говорил мне, что был у него об этом разговор и с Горбачевым: «Не хочет из-за этого ссориться с Егором Кузьмичем». Это присказка. А сказка:

Приходит неделю назад рассылка – информация за подписью Чебрикова, предсъездовская: что спецслужбы Запада усиленно обрабатывают советских писателей – тех, кто и раньше допускал отступления от классовости, кто сомневался в правильности коллективизации, национальной политики (не «космополиты» ли), литературной политики и т.п., словом, подвержен оппозиционным и ревизионистским настроениям и, сейчас, мол… (что уже совсем непонятно, ибо что понимать под оппозицией и ревизионизмом? – в отношении чего, кого? Горбачева? Апрельской линии, которую все эти «оппозиционеры» ждали столько лет и как могли помогали ее приближению?

Названы и имена: Рыбаков, Приставкин, Можаев, Рощин, Зубов, Окуджава… и еще несколько меньше известных.

Словом, донос… из прежней эпохи, из 30-50 годов, будто ничего в стране не происходит.

Пошел я к Яковлеву: как, мол, это понимать? И что это значит, когда М.С. распорядился разослать этот донос по ПБ и Секретариату, а Лигачеву и Яковлеву – поговорить с ним лично.

Я, отвечает Яковлев, говорил. «Ну, и что?» Был, говорит, зол и откровенен. Мы, говорю я ему, уже вынудили 15-20 талантливых писателей мотануть за рубеж. Еще хотим? И вообще – что это за методы?.. М.С. слушал, а как он реагировал – Яковлев со мной не поделился. Но, говорит, вроде внял: поди и скажи все это Лигачеву. Пошел, был, конечно, аккуратнее, но понимания не нашел. Единственно, что ему не понравилось, - почему литературой по-прежнему занимается КГБ?! Доколе! Это – прерогатива ЦК. Не знаю, говорит Александр Николаевич, но, кажется М.С. собирается иметь беседу с Чебриковым.

А через день состоялась встреча М.С. с 30 писателями. Стенограмму я еще не видел, но А.Н. рассказал, что там было. Особенно, говорит, я рад, просто рад, выступлению Анатолия Иванова – черносотенца, динозавра, почвенника. Он с первых слов стал «раздеваться» и предстал весь голенький. Главная его идея – надо произвести нечто подобное постановлению ЦК «О журнале «Звезда» и «Ленинград». Тогда будет порядок.

Я, говорит А.Н., видел, как у М.С. отвисает челюсть. Но отреагировал он косвенно. Против Иванова выступил Шатров, и М.С. поддержал Шатрова.

Что-то будет на съезде писателей?..

На другой день после разговора с Яковлевым, я сделал следующее:

Дней за десять до «описываемых событий» ко мне пришел Борис Можаев (широко известный писатель, деревеньщик). Долго смешил меня рассказами о том, что происходит у них на съезде. Он злой, ядовитый, мастер имитации, просто словесный циркач, уморил меня изображением Маркова и Карпова (литературных генералов), которые, пользуясь своей властью в Союзе писателей, два года маринуют его новый роман («Мужики и бабы», часть 2). Разделал Алексеева, да и всех, кто делает пошлую литературу – «секретарские романы». Оставил предисловие к «Мужикам и бабам» и отзыв о романе академика ВАСХНИЛ Тихонова. В романе речь идет о событиях 1929-30 годов, о коллективизации, которая нанесла непоправимый удар по сельскому хозяйству и по социализму.

Оставил также мне свою статью на 110 страниц о современной советской литературе, где громит пошляков и литературных начальников.

Все это он просил доложить и показать Горбачеву. Тогда это я сразу не сделал, но после записки Чебрикова и разговора с Яковлевым, я уже не мог держать можаевские просьбы при себе. Приложил свою записочку: вот, мол, кого заносит по ведомству оппозиции и антисоветчины. Если это действительно так, тогда трудно понять апрельскую линию и во всех других отношениях.

Записку мою Горбачев прочел, оставил все у себя. Посмотрим, чем все это кончится. Обнадеживает, что М.С. после выступления Иванова никак не мог опомниться, несколько раз звонил Яковлеву: откуда, говорит, такие у нас берутся, это же мокрицы.

По мнению Яковлева, Горбачева насторожило, что председатель КГБ представил свою записку Генеральному секретарю, будучи уверенным, что такая его позиция встретит понимание и поддержку.

3 декабря 86 г. Продолжение **дневника.**

Яковлев, которого я поздравил с днем рождения, рассказал: вчера говорил с Генеральным о том - о сем, о литературе, о разных препятствиях, готовили встречу его с театральными деятелями. Потом он вдруг заговорил о тебе (т.е. обо мне). Вот, говорит, 100 % попадание получилось. Какой мужик. Помнишь, как искали кем заменить Александрова? И вот нашли, лучше не придумаешь. И поразительная работоспособность. И говорит, что думает, не подлаживается, не льстит.

А потом, говорит Яковлев, еще и «оклеветал» тебя: и умный, говорит! Вот повезло-то!

Спасибо, говорю, если, конечно, не сам придумал.

- Честное слово! Клянусь тебе. Я, конечно, поддакивал, тем более, что крестным отцом тебе был.

Поразительно и другое… Не очень я был взволнован. Хотя получить такую оценку от Генерального секретаря ЦК КПСС – не каждый день бывает и не каждому.

Видно, устал я очень. Да, и взрослый я. Даже похвала меня не очень трогает – не в этом смысл жизни. А в чем?

Впрочем, он сам про себя говорит словами песенки: «была бы только родина»… В самом деле. Революция ведь происходит: достаточно каждый день заглядывать в газеты и журналы.

А если еще слышать, что он говорит на ПБ и в узком кругу!..

7 декабря 86 г.

Хочется писать и боязно. Потому что – сколько бы ни пытался писать, времени все равно не хватит, чтоб хотя бы схематично отразить, что происходит каждый день рядом с М.С. Он на глазах вырастает в великую фигуру нашей истории.

Я его вижу почти нараспашку со всеми обыденными нюансами его натуры, поведения, уровня образованности – но это никак не снижает в моих «интеллигентских» (снобистских) глазах величия этого человека.

Я подробно записываю, что он говорит, и как он ведет ПБ. Когда уйду на пенсию, смогу восстановить…, но, конечно, с утратой живого ощущения. Однако, много такого, что происходит один на один, втроем с кем-нибудь, особенно, если с Яковлевым, ведь не запишешь при нем...

Много своеобразного проявляется в его беседах с иностранцами (как позавчера, например, с норвежкой Брунтдланд)… или в моих с ним вдвоем контактах (ночных, главным образом), во время визита в Индию – в его отсеке президентского дворца. Это теряется. Потому что фиксировать такое нет возможности…- уходишь от него с каким-нибудь заданием, и его надо срочно делать, а не записывать впечатления.

Тем не менее, история мне не простит, если я не оставлю потомству свои, пусть субъективные, свидетельства об этой личности, ибо только я (и, может быть, еще Яковлев) наблюдаем его в раскрытом, откровенном состоянии.

Из незафиксированного последних дней:

- разговор с Ковалевым в моем присутствии о встрече с театральными деятелями;

- мой с ним разговор о Добрынине и о Международном Отделе… и его вчерашний звонок мне. Он уже поговорил с ним, на меня ссылался, но уверяет, что тот на меня не обиделся.
- Как он оберегает Раису Максимовну! Не стал посылать ей записку из «Monde» о том, как она выглядит за границей.
- Разговор об Аксенове – космонавте, который приходил ко мне жаловаться: наша «СОИ» – совсем не ассиметричная.

Последнее Политбюро… Об Индии.

Это Политбюро войдет в историю… не из-за Индии, а из-за цен на колбасу. Чуть было раскол не произошел. Так как Лигачев выступил с «популистских» позиций в защиту бедных.

И очень больно задел М.С., который отлично понимает, что перестройка не состоится, если будем строго соблюдать нормы «социального» государства, т.е. уравниловки.

Лигачев же выступил от имени тех, кто привык жить на иждивении государства, даже не работая вовсе. Хотя к ним примыкают все пенсионеры, убогие, инвалиды, неудачники, учащиеся и проч.

Спор пошел жесткий. Причем, М.С.'а прямо и резко поддержал только Рыжков. Воротников, Соломенцев и даже косвенно Шеварнадзе склонились к Ег.К.

Таким взбешенным на ПБ я еще не видел М.С. (и расстроенным). «Вижу свою роль, как Генсека – раз так складывается, - в том, чтобы снять вопрос, закрыть дискуссию и поручить Совмину вновь рассмотреть вопрос. Иначе мы тут до драки дойдем. Мы и так на грани раскола оказались».

А что делается в газетах и журналах?

Вознесенский восстановил Ходасевича в «Огоньке» и Набокова в «Новом мире». Некий Лев Воскресенский в «Московских новостях» от 30 ноября опубликовал ответ англичанину – в чем сходство между перестройкой и НЭП'ом. И черным по белому написал, что с отменой НЭП'а поторопились, и науке еще предстоит выяснить, к каким последствиям это привело. В каждом номере толстого журнала что-то такое уже есть или предстоит.

8 декабря 86 г.

Сегодня обобщил три встречи Горбачева с малыми НАТО'овцами – Шлютер, Любберс, Брундтланд. Вывод М.С.: кто теперь верит в советскую угрозу? – За НАТО держатся не потому, что боятся нас, а потому, что боятся США.

Пришлось переписывать за МИД"овцев запись беседы Горбачева с Брундтланд: все вроде правильно, но стерилизовано настолько, что исчезли характерные для него выражения и оттенки мыслей, его юмор.

Продиктовал задание Красину (консультант) готовить идеи к 70-летию Октября по главной проблеме: перестройка и судьбы мирового развития, плюрализация, а не унификация революционного процесса.

Приходил Дунаев. Рисовал перспективы Японии и наших отношений с ними.

Шеварнадзе позвонил и обещал только завтра дать материал к приезду Наджиба. Попросил его разобраться в начертании индо-китайской границы на картах наших атласов. Послом в Индию он хочет послать Примакова, хвалил его, сравнивал с Луначарским.

Горбачев отказал «Шпигелю» в интервью, опять же из-за Коля, который сравнил его с Гебельсом. Мои уговоры не перевесили мнения Добрынина-Шеварнадзе.

Загладин все хочет мне доказать, что Добрынин не на месте. Вместо того, чтобы помогать ему, будучи первым замом, интригует против его.

<u>10 декабря 86 г.</u>

Вчера был Куценков (мой давний друг, крупный индолог). Принес обзор вороха газет, привезенных из Индии. Не надо, говорит, строить иллюзий. Никакой эйфории. Пока еще все – «в надстройке», даже в эмоциях!

Был Кокошин (зам. Арбатова). Привез записку: «Перспективы Америки». Учено, а смелости (или аналитичности) не хватает, чтоб сказать, что же нам ждать от нее и как себя вести на будущее. Словом, это еще не для ПБ.

С Добрыниным говорил об идее М.С. создать при ПБ нечто вроде «Совета национальной безопасности». Он все прикидывает, как в его Америке, нам, мол, это не подходит. А как нам?.. Думаю, если создавать, то с участием Арбатова, Фалина, Воронцова, Ковалева, Крючкова, может быть, кого-то из крупных экономистов-западников, хотя «Варг» у нас давно нет, а Милейковский мелок… И из ГНТК и ГКЭС'овских умных ребят. Кое-кого из Международного Отдела: Загладина, консультантов, Лисоволика – он работал в Америке.

Добрынин, хочет со мной поговорить об Отделе (под впечатлением разговора М.С. с ним). Загладин снобистски обиженный хочет «доказать», что Добрынин ничего не понимает. Сам всю осень в четырех заграничных командировках и вот уже месяц болеет. Звонил мне, стонал, обещал «говорить» о Добрынине. Не надо мне идти на разговор; не надо дать повод Добрынину, что я интригую. Я и в самом деле не хочу подмазывать Добрынина, а хочу ему помочь

Брутенцу Добрынин предложил ехать послом в Индию. Тот запаниковал: почему Добрынин сделал такое предложение? Хотя в общем-то непрочь! Но позвонил Шеварнадзе: говорит, будет предлагать Примакова!

Материалы к визиту Наджиба. Речь я забраковал (на обеде) и переписал, а для бесед М.С. сделано толково, умно, только так… с поворотом на то, о чем Шеварнадзе на ПБ сказал: пора перестать рассматривать Афганистан, как оккупированную и подопечную страну. Это – самостоятельное государство… И только так!

Но перебор – в смысле обещанной экономической помощи… Без штанов сами останемся, не говоря уже о том, что «новый Афганистан» появится через 100 лет.

И еще детали: надо сказать Наджибу, чтоб действовал, не оглядываясь на советников и, чтоб сказал, сколько и каких ему надо, остальных уберем немедленно. Предложу это М.С.

В понедельник М.С. примет Харта (американский сенатор) и посла Англии. Отдел и МИД засуетились, кто будет представлять материалы М.С., - меня-то нет, а прямо боятся. Вот… тот самый funnel, о котором писала, кажется, «Sunday Times» про меня.

Погасился по займу 1952 года! Вспомнил те времена, университет.

11 декабря 86 г.

День Политбюро, на котором я не был, болею. Закончил материал для беседы М.С. с Наджибом один на один. Потом – материал для его встречи с английским послом. Потом всякие записки ему с объяснениями, что я изменил в материале, подготовленном афганской комиссией. И постоянные звонки от Добрынина, от Воронцова, из приемной, от Лукьянова и т.д.

Фалин: соображения по кадровой политике к Пленуму (М.С. дал такое «поручение» - ему лично написать, что каждый думает - без оглядки на что-либо). Так

вот некоторые шлют ему прямо, а некоторые все таки через меня. Пишут и говорят такое, за что полтора года назад в 24 часа выгнали бы из партии…

Нечто подобное месяц назад по просьбе Яковлева, разочарованного тем, что подготовил к Пленуму (по кадрам) оргпартотдел, я собрал «мнения» по кадрам от Козлова, Вебера, Ермонского (консультантов Отдела). Те были еще злее и откровеннее Фалина.

Вообще вползаем в новый этап советской истории. Сегодня просмотрел много журналов последних месяцев, газет, «Литературку» и доклад Лаврова при создании театрального Союза!

И один штрих… Сегодня в «Правде» статья о 130-летии Плеханова. Ни слова об оппортунизме, ревизионизме… Трагедия большой личности. Вот как! Каково сталинистам-то, да всем тем, кто учился по «Краткому курсу» и пономаревскому учебнику.

Идет революция. Но медленная все-таки, ибо уволенные негодяи получают приличную пенсию и возможность «вонять». Революция же поступает с бывшими иначе. Но тогда бы она была **не** горбачевская революция.

13 декабря 86 г.

Одиноко в душе. Даже боязно уходить в отпуск… будто время теряешь, а его так мало осталось. Ощущение, что теперь отпуск – уже не способ восстанавливать силы. Они уже не восстановимы. Лучше бы не отпуск совсем, а просто на месяц «свободное расписание».. И никуда не уезжать. И чтоб дома никого не было.

М.С. сказал Добрынину… и всем членам ПБ после встречи с югославами: «Все! Кончаю с международными делами. И ты, Эдуард, и ты, Добрынин, притихните, пожалуйста. Устал я от них. Каждый день папку с собой беру, до 2-х ночи изучаю. Все! Перехожу на внутренний фронт… И к Пленуму надо готовится. Вот только приму Харта и англичан».

Как раз и мой отпуск.. И опять же: уж если отпуск, разгуляться бы, куда-нибудь махануть, а не сидеть в санатории.

«Новое назначение» Ал. Бека. Сильная вещь. Историю начинаем восстанавливать… тогда, когда молодежь перестает уже интересоваться нашим прошлым. И тут разрыв стыковки между поколениями.

14 декабря 86 г.

Выступление М. Шатрова в Кремле на театральном съезде (в присутствии М.С.). Я подумал: необратимый процесс начался в идеологии. Остановить его может только Ежов или Берия. И мудро держится М.С., явно это поощряя, давая понять таким, как Шатров, Евтушенко и проч. – дуй до горы. А сам пока воздерживается открыто приложить Сталина и сталинизм. Может, потому и Лигачева с его консерватизмом не останавливает, чтоб поток не слишком рванул – тогда придется всем переключиться на надстройку, тогда как главное сейчас пока еще – экономика.

Вот пусть годок идеология на самофинансировании поработает. Пусть то «чуть-чуть», о котором он просил меня сообщить Боффе, еще поработает в истории, и тогда Горбачев сам выскажется и о НЭП'е, и о коллективизации, и о Сталине.

15 декабря 86 г.

Был на встрече М.С. с сенатором Хартом, который явился с дочерью. М.С. был в ударе. Нарисовал модель идеального современного президента, который, если б такой появился, мог бы действительно продемонстрировать «величие Америки». Спорил насчет иллюзионизма, романтизма и проч., которые ему приписывают. А на этом иллюзионизме держится, между прочим, устойчивость мира сейчас.

Пригласил дочку – убедиться, какой в действительности Советский Союз – поездить, поглядеть. Ответила: буду помогать папе в президентской кампании, воспользуюсь вашим приглашение только после 1988 года. Вот так!

Встреча М.С. с английским послом. Тот принес послание от Тэтчер. Наглое. М.С.: «Задала трепку и мне и Рейгану» за поверхностный подход в Рейкьявике. А реализм, мадам, - это тупик. Доказано в Женеве. Очень рассердился и довольно недипломатично «волок» посла. Тот обещал все доложить. М.С.: «Я знаю, для чего говорил!»

В Завидово он не едет. Говорил: «не с чем еще!» Т.е. 130 страниц, которые ему в субботу приносил Яковлев, значит, еще не то.

18 декабря 86 г.

Сегодня я уже формально в отпуску. Но полдня был еще на работе. Расставался с бумагами. Особенно существенны шифровки Арбатова из США.

Увы! КПД подобных информаций и для политики, и для пропаганды у нас даже при Горбачеве не превышает паровозной.

Вчера полдня употребил на письма иностранцев к Горбачеву. Ими завалена моя вторая комната – пока мы были на Юге. Всякого там полно: просьбы об интервью, просьбы об автографах на разных книгах, на открытках и фото. Просят написать статью в журналы или газеты. Масса просьб о встречах с ним. Просьбы о том, чтобы выпустить диссидентов, которые до сих пор в тюрьмах.

С опозданием (члены ПБ уже проголосовали «за») попала мне на стол верстка статьи «Л.И. Брежнев. К 80-летию со дня рождения». Я ахнул. Вызвал стенографистку и продиктовал ей свое возмущенное заключение, позвонил в приемную и попросил немедленно передать Горбачеву. Вечером он прочел и позвонил мне. Велел передать замечания другому помощнику Лущикову, который курировал эту статью. Тот недовольно дал мне понять, что я лезу не в свое дело. Все, мол, проголосовали и материал уже в «Правде». Я все-таки настоял на своем, ссылаясь на то, что это теперь уже не мои замечания, а – Генерального.

Пришел Власов (Альберт Иванович, зам. зав. отдела информации). Очень неудачно, говорит, ПБ назначило время объявления об отмене моратория на ядерные взрывы. Я согласился. Тут же написал Горбачеву записку: лучше это сделать не 18 декабря, а в начале января, после Рождества и Нового года. Он разослал мою записку по ПБ, но меня смазали Шеварнадзе и Добрынин. Звонит Эдуард Амвросиевич: теперь уже все равно, говорит, предупредили уже и «шестерку», и соцстраны, и компартии… А выгода? Да, какая выгода, когда одни минусы от этого нашего решения! Как ни доказывай…

- И то правда! – согласился я.

* * *

Итог 1986 года. В этом году (в начале февраля) автор этих записок (проекта) стал помощником Горбачева по международным вопросам. Его наблюдения за поведением, манерами и действиями Горбачева приобрели характер живого, повседневного личного и делового контакта.

Обращает на себя внимание феноменальная откровенность Горбачева – и в оценках ситуации, и в обозначении намерений. Он высказывает смелые, шокирующие окружающих мысли, многие из которых так и не были реализованы. Беспощаден в критике того, что имеем, что и как делается.

Поощряет «раскручивание» гласности, но все еще рассматривает ее как орудие партии в осуществлении преобразований, а не как «свободу слова», действующую по собственной логике.

Решительно пресекает пономаревскую (коминтерновскую по сути) практику отношений с зарубежными компартиями и комдвижением в целом. Но еще уверен, что освобожденные от опеки КПСС, полностью независимые, они могут обрести новое дыхание и в качестве таковых имеют перспективу.

Иначе говоря, он не порывает с представлением об СССР как «идеологической державе», но уже очень далеко зашел в налаживании принципиально новых отношений с Западом и формирует внешнюю политику, абсолютно исключая идеологический компонент, то есть конфронтацию и несовместимость. Термин «новое мышление» еще не употребляется. Но на деле оно уже «работает».

Все больше обеспокоен кадровым обеспечением преобразований. Однако, никаких сомнений в том, что КПСС может и должна стать их авангардной и двигательной силой, у него пока не возникает. При всей своей неприязни к идолопоклонству и догматизму, Горбачев продолжал свято верить, что апелляция к Ленину, к «ленинским подходам» может служить не только моральным, но и практически действенным рычагом реализации его замыслов.

В этом году действовала еще в полном согласии когорта, можно сказать, «отцов–основателей» перестройки (Лигачев, Рыжков, Воротников…) при лидирующей роли связки Горбачев–Яковлев.

В этом «томе», как, впрочем, и в других, много личных переживаний и размышлений автора записок. Он оказался в новом положении – более влиятельном и менее свободном, при гораздо более ответственных и больших перегрузках.

В его взглядах еще прочны иллюзии насчет «открывающихся перспектив» для его «социалистической Родины». Его конформизм объясняется и оправдывается близостью к Горбачеву и надеждами на успех его дела. Они пока еще не наталкиваются слишком резко на его интеллигентские сомнения.

Если попытаться дать формулу реформаторской эволюции Горбачева в 1986 году, она может быть такой: необычайная смелость в словах и оценке проблем и осторожность в делах.